

Фонвизин Сергей Иванович

Развал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Иванович Ф.**
Развал / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. –
175 с.

ISBN 978-5-521-28543-3

ISBN 978-5-521-28543-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

какой-то господинъ, соскочившій съ вагонной площадки до остановки поѣзда. Окинувъ Юрія бѣглымъ взглядомъ, незнакомецъ пробормоталъ: „извините, пожалуйста“, поднялъ упавшій при столкновении небольшой ручной чемоданъ и быстро направился къ выходу. „Высокій, плотный и смуглый“, невольно подумалъ Юрій, глядя сердитыми глазами вслѣдъ господину. „Жаль, что на немъ какая-то допотопная сѣрая крылатка и мягкая шляпа, а не песочнаго цвѣта пальто и котелокъ,—не такъ бы легко онъ отъ меня отдѣлался... Впрочемъ, чортъ съ нимъ“. И онъ сталъ пристально разглядывать выходившихъ изъ вагоновъ пассажировъ.

Пріѣзжихъ было немного и слѣдить за ними было нетрудно. Но подходившихъ къ указаннымъ въ бумагахъ примѣтамъ не оказывалось. „Или не пріѣхалъ совсѣмъ, или прячется гдѣ-нибудь въ вагонѣ и ждетъ, когда поѣздъ отойдетъ на запасный путь. Надо осмотрѣть вагоны“,—рѣшилъ наконецъ Юрій. Но въ эту самую минуту изъ передняго вагона, предшествуемый носильщикомъ съ ручными вещами, показался высокій, плотный господинъ, въ пальто песочнаго цвѣта и черномъ котелкѣ. Юрій вострепнулся, быстрымъ шагомъ обогналъ незнакомца и затѣмъ, повернувъ, медленно пошелъ ему на встрѣчу. Но, не доходя нѣсколькихъ шаговъ, остановился, какъ вкопанный, и лицо его совсѣмъ поглупѣло отъ удивленія. Въ свою очередь, замѣтивъ Юрія, остановился и пріѣзжій, и на его мужественномъ, загорѣломъ лицѣ промелькнуло недовольное выраженіе, тотчасъ же, впрочемъ, исчезнувшее. Привѣтственно двинувъ рукой, онъ произнесъ мягкимъ, чуть насмѣшливымъ голосомъ:

— А, Юрій... Здравствуй! Ты какъ сюда попалъ? Кого-нибудь встрѣчаешь?

Но Юрій, не отвѣчая, продолжалъ на него смотрѣть оторопѣлыми глазами, мысленно повторяя: „Да нѣтъ...

Не можетъ быть, чтобы то былъ онъ... Не можетъ быть, не можетъ быть..."

— Что ты на меня такъ уставился?—спросилъ, наконецъ, пріѣзжій съ удивленіемъ. — Неужели не узнаешь?

И вдругъ онъ улыбнулся, открывъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ. И отъ этой улыбки его красивое, смуглое лицо стало еще привлекательнѣе.

— Ха-ха! Неужели ты, какъ опытный модникъ, сразу замѣтилъ, что на мнѣ чужое платье? Въ такомъ случаѣ, это дѣлаетъ честь твоей наблюдательности, такъ какъ пальто, кажется, мнѣ совсѣмъ впору... Вотъ котелокъ, дѣйствительно, подгулялъ... еле держится.

— Почему — чужое? — стремительно вырвалось у Юрія.

— Да, чужое, — добродушно посмѣиваясь, продолжалъ пріѣзжій. — Представь, какая исторія. Подъѣзжаемъ къ Петербургу, хочу одѣваться, глядь — исчезли мои крылатка и шляпа, а на ихъ мѣстѣ висятъ вотъ это пальто и котелокъ. Я—туда, сюда—никакихъ. Ну, и пришлось въ чужое вырядиться.

— Ты говоришь — крылатка... сѣрая? — также возбужденно спросилъ Юрій.

— Да, да, сѣрая и такая же шляпа... А ты что, видѣлъ ихъ на комъ-нибудь?

— Да... Нѣтъ... Но ты извини, я сейчасъ!..

И Юрій метнулся-было назадъ. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился. „Глупо. Развѣ его теперь поймашь... Ищи вѣтра въ полѣ“. Онъ быстро вернулся и, протянувъ пріѣзжему обѣ руки, сказалъ съ преувеличеннымъ радушіемъ:

— Ну, здравствуй, Павликъ. Какъ я радъ тебя видѣть. Поздравляю, отъ всей души поздравляю.

— Съ чѣмъ?—спросилъ Павликъ, хмурясь и холодно отвѣчая на рукопожатіе. — Что платье мое пропало?

— Ну, вотъ еще... Съ наслѣдствомъ, голубчикъ, съ наслѣдствомъ... Я такъ радъ за тебя.

Павликъ густо покраснѣлъ и выговорилъ рѣзко:

— Я всегда зналъ, что ты не отличаешься тактичностью. Тѣмъ не менѣе, могъ бы понять, что раньше чѣмъ получить наслѣдство, я потерялъ близкаго и дорогого мнѣ человѣка, котораго любилъ какъ родного отца.

— Да, да, конечно... Я понимаю,—сконфуженно забормоталъ Юрій. — Это очень, очень тяжело... Но, все-таки, милліонъ, цѣлый милліонъ!

И было ясно, что предъ этой магической цифрой всѣ остальные соображенія представлялись ему совершенно ничтожными и незаслуживающими вниманія.

Павликъ брезгливо повелъ губами.

— Впрочемъ, съ тебя вятки—гладки... Но долженъ тебя охладить: не милліонъ, а всего четыреста тысячъ.

— Четыреста тысячъ... Врешь!—съ искреннимъ недовѣріемъ произнесъ Юрій.—Всѣ говорятъ—милліонъ.

— Да, милліонъ, но только франковъ, а не рублей,—сухо возразилъ Павликъ.—Однако, прощай. Я и такъ съ тобою задержался.

— До свиданья, — медленно протянулъ Юрій. И вдругъ онъ собралъ переносицу въ складки, и въ его, устремленныхъ на Павлика, глазахъ появилось умильно-просительное выраженіе. — А нѣтъ ли у тебя, *par hasard*, свободной сторублевой бама-а-жки?

Павликъ невольно усмѣхнулся. Онъ уже давно ждалъ этого обращенія. Вынувъ бумажникъ, онъ, молча, протянулъ деньги.

— „*Grand merci*“... Какъ-нибудь сочтемся, — небрежно произнесъ Юрій. Потомъ вытянулся, приложилъ руку къ „*capotier*“, словно отдавая честь, и оскалилъ зубы: — Счастливо оставаться, вашескорodie.

Но когда Павликъ отошелъ, лицо Юрія измѣнило выраженіе и, сердито скомкавъ сторублевку, онъ су-

нулъ ее въ карманъ. „Дуракъ! Болванъ! Сболтнулъ по привычкѣ и упустилъ такой случай... Не попросилъ пятисотъ... Навѣрное далъ бы... на радостяхъ, что заполучилъ наслѣдство... Эхъ, была не была, догню и попрошу“.

Онъ круто повернулъ, собираясь бѣжать за Павликомъ, но въ это мгновеніе встрѣтился глазами съ пристально смотрѣвшимъ на него толстымъ господиномъ, въ чесунчевомъ пиджакѣ и съ носомъ хищной птицы. „Ахъ, чортъ! Принесла-таки нелегкая!“

И повинуваясь властному зову круглыхъ совиныхъ глазъ, Юрій свернулъ въ сторону и, нехотя двигая ногами, направился къ боковому выходу.

II.

Писатель Андрей Безсоновъ просматривалъ газеты— русскія и иностранныя, — которыми былъ заваленъ большой круглый столъ его кабинета. Пробѣжавъ газету, онъ или откладывалъ ее въ сторону, или, взявъ ножницы, вырѣзалъ нужныя ему свѣдѣнія и, выставивъ на вырѣзкѣ число, мѣсяцъ и годъ, клалъ ее въ одинъ изъ стоявшихъ тутъ же картонныхъ ящиковъ, на крышкахъ которыхъ крупными буквами чернѣли надписи, — на одномъ: „война“, на другомъ: „общественное движеніе“. Иногда же бралъ карандашъ и что-то писалъ на занумерованныхъ четвертушкахъ бумаги.

Раздался звонокъ, но Безсоновъ не обратилъ на него вниманія. Онъ зналъ, что въ его рабочіе часы хорошо вышколенная прислуга никого къ нему не допустить. Но когда въ передней началась какая-то возня, и до него донесся громкій и странно-знакомый голосъ, онъ съ любопытствомъ насторожился, всталъ

и пріотворилъ дверь. И тотчасъ же радостно вскрикнулъ:

— Павликъ! Вотъ пріятная неожиданность!

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди цѣловаться... На мнѣ пудъ грязи, — весело сказалъ Павликъ, крѣпко пожимая руку брата. — Я такъ торопился, что нигдѣ не останавливался и очень плохо мылся... Нельзя ли сейчасъ ванну?

— Конечно, можно.

— А потомъ — кофе и непременно съ калачомъ... Подумай, почти шесть мѣсяцевъ я не ѣлъ калача... И скажи, гдѣ мнѣ пріютиться? Вотъ Анна Пахомовна, — онъ, мягко улыбаясь, повернулся къ высокой, дородной старухѣ въ чепцѣ, стоявшей у вѣшалки и не сводившей съ него любовнаго взгляда, — предлагаетъ Марусины комнаты. Удобно ли это будетъ?

— Вполнѣ. Маруси нѣтъ, а тебѣ будетъ просторнѣе.

— Въ такомъ случаѣ, прекрасно... Я сейчасъ же тамъ и устроюсь. А ты иди къ себѣ и занимайся. Я вѣдь знаю, что теперь какъ разъ твое рабочее время.

— Ну, это не такъ ужъ важно, — запротестовалъ Андрей.

— Нѣтъ, нѣтъ, иди, пожалуйста... А я какъ кончу съ омовеніемъ и... калачомъ, самъ приду къ тебѣ.

И, взявъ брата за плечи, онъ втолкнулъ его въ кабинетъ и затворилъ за нимъ дверь.

Безсознательно улыбаясь, — онъ очень любилъ младшаго брата и былъ радъ его пріѣзду, — Андрей нѣкое время ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Потомъ, безглаголиво поморщившись и думая: „нечего сказать, работа тоже“, подошелъ къ столу и взялъ газету. Вскорѣ, однако, привычка относиться серьезно ко всякой, даже непріятной работѣ возымѣло обычное дѣйствіе, и онъ такъ углубился въ свое занятіе, что когда раздался стукъ въ дверь и вошелъ Павликъ, съ удивленіемъ спросилъ:

— Какъ, уже готовъ? Такъ скоро?

— Ну, знаешь, скорость—понятіе относительное, — усмѣхнулся Павликъ. — Я совсѣмъ не торопился, но въ два часа можно многое сдѣлать... А это, что же? — спросилъ онъ съ удивленіемъ, кивнувъ на столъ. — Что-то новое? Ты надъ чѣмъ теперь работаешь?

— Послѣ, послѣ объясню. Совсѣмъ не интересно, — махнулъ рукой Андрей. — Теперь рассказывай ты.

Онъ закрылъ картонные ящики, подсѣлъ къ письменному столу и закурилъ. Потомъ, глядя на брата ласковыми глазами, продолжалъ участливо:

— Очень тебѣ, должно быть, тяжело было. Помнишь, ты собирался скоро вернуться, а прожилъ тамъ почти шесть мѣсяцевъ. Скажи, отъ чего собственно онъ умеръ?

Лицо Павлика стало серьезнымъ, а глаза затуманились дымкою грусти. Онъ нѣкоторое время смотрѣлъ сосредоточенно передъ собой, словно припоминая, и затѣмъ медленно началъ:

— Умеръ дядя отъ рака въ желудкѣ... Но вотъ что странно: обыкновенно при этой болѣзни бываютъ невыносимыя страданія, онъ же почти не мучился. Когда я пріѣхалъ, лѣчившій его врачъ, — кстати, очень знающій и симпатичный, — объявилъ мнѣ, что дни его сочтены, что смерть — вопросъ времени... ну, мѣсяць, полтора — никакъ не больше. Между тѣмъ, онъ протянулъ почти полгода, постепенно слабѣя, и умеръ, — скорѣе, тихо угасъ, — какъ догорѣвшая до конца свѣчка... Вѣдь ему было уже 83 года. Этимъ и объясняется, какъ говорилъ докторъ, отсутствіе страданій. Страданіе — слѣдствіе борьбы нежелающаго сдаваться организма, — а у него и бороться было нечему. Если бы ты видѣлъ, какъ онъ исхудалъ: однѣ кости да кожа... Да, завидная смерть, каждому можно пожелать такой.

— И по заслугамъ,— замѣтилъ Андрей. — Хорошій онъ былъ человѣкъ, хорошо и умеръ.

— Ахъ, какой человѣкъ! — тотчасъ же оживленно подхватилъ Павликъ. — Вотъ ты думаешь, что мнѣ было тяжело, и ты правъ. Но не онъ, т.-е. не его болѣзнь была тому причиной. Напротивъ, я чувствовалъ себя лучше всего, когда находился при немъ, и ухаживать за нимъ было для меня удовольствіемъ... тѣмъ болѣе, что онъ до самой послѣдней минуты сохранилъ въ полной силѣ ясность ума. А тяжело мнѣ было совсѣмъ отъ другого.

Онъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и продолжалъ насмѣшливо, словно смѣясь надъ самимъ собой:

— Ты не можешь себя представить, какъ я радъ, что нахожусь опять въ Россіи и скоро буду у себя въ Безсоновкѣ. Я никогда не подозрѣвалъ, чтобы можно было такъ страдать отъ тоски по родинѣ. Хуже всякой самой мучительной болѣзни, право... И какъ странно! Вѣдь я не разъ бывалъ за-границей, но никогда ничего подобнаго не испытывалъ... Впрочемъ, надо и то сказать, что теперь русскій за-границей и вообще не можетъ себя чувствовать особенно пріятно. Эта позорная война...

— Да, да, — закивалъ Андрей. — Я понимаю... Это должно быть ужасно.

Но Павликъ вдругъ весело разсмѣялся.

— Ха-ха! Я до того дошелъ, что двѣ непріятности, которыми меня успѣла встрѣтить родина, т.-е. вѣрнѣе, Петербургъ,—совсѣмъ меня не разсердили, показались мнѣ только забавными.

— Уже непріятности... И притомъ — цѣлыхъ двѣ... Быстро,—въ свою очередь улыбнулся Андрей.

— Да. Первая—пропажа въ вагонѣ моего верхняго платья и шляпы, взамѣнъ которыхъ господинъ воръ оставилъ мнѣ довольно гнусное пальто и котелокъ,

еле держащійся на головѣ, а вторая... угадай, кого я встрѣтилъ первымъ, выйдя изъ вагона... Будь я суевѣренъ, непремѣнно счелъ бы это за дурное предзнаменованіе... Угадай.

Андрей пожалъ плечами.

— Право, не знаю.

— Юрія Полянскаго. И если я скажу, что даже эта встрѣча доставила мнѣ скорѣе удовольствіе, ты долженъ понять, въ какое повышенно-радостное настроеніе привело меня возвращеніе на родину.

— Понимаю. Тѣмъ болѣе, что удовольствіе это обошлось тебѣ не даромъ. Навѣрное, въ твоёмъ бумажникѣ теперь одной „сторублевой бама-а-ж-кой“ меньше.

— Ха-ха! Само собой.

Помолчавъ, Павликъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ съ нѣкоторой даже торжественностью:

— А теперь поговоримъ о дѣлѣ.

— О какомъ?

— О дядиномъ наслѣдствѣ.

— Но какое же мнѣ дѣло до дядинаго наслѣдства?—усмѣхнулся Андрей.—Если ты хочешь со мной посоветоваться, какъ выгоднѣе помѣстить капиталъ, то и это—напрасно: вѣдь я совсѣмъ плохой финансистъ.

Павликъ недовольно поморщился

— Нѣтъ, Андрей... Выслушай меня, пожалуйста.

— Да говори, сдѣлай одолженіе... Если тебѣ такъ ужъ хочется.

Павликъ глубоко передохнулъ, откинулся на спинку кресла и, переждавъ немного, заговорилъ медленно и сосредоточенно:

— Какъ только я пріѣхалъ, дядя хотѣлъ весь свой капиталъ передать мнѣ изъ рукъ въ руки... чтобы избавить хлопотъ и возни въ будущемъ, какъ онъ объяснилъ. „А завѣщаніе?“—спрашиваю. Удивился. „Какое завѣщаніе? Для чего?“ Тогда я запротестовалъ:

„Всѣ знаютъ, что у тебя большія деньги. Меня могутъ выставить, просто-на-просто, воромъ“. Потомъ я сталъ ему объяснять, что и вообще нахожу его намѣреніе неправильнымъ, что ты, Маруся и Николай—такіе же наслѣдники, какъ и я, и что всего справедливѣе было бы раздѣлить наслѣдство на четыре равныя части. Но едва я упомянулъ о Николаѣ, старикъ на дыбы: „Какъ, чтобы я оставилъ хоть одну копѣйку этому „прелюбодѣю слова“, который еще на-дняхъ защищалъ двухъ завѣдомыхъ мошенниковъ. Хапнулъ съ cadaго по 5 тысячъ да еще хвастается, говорить. И это—Безсоновъ! Позоръ! Я отрекаюсь отъ него, знать его не хочу. Я скорѣе всѣ свои деньги собственноручно сожгу, но ему не оставлю ни гроша“. Насилу его успокоилъ... Относительно же тебя и Маруси онъ сказалъ слѣдующее: „И Андрея, и Марусю я очень люблю, — такъ имъ передай. Но Андрей такъ много зарабатываетъ, его талантъ—такой большой капиталъ, что въ моихъ деньгахъ онъ совсѣмъ не нуждается. Маруся же, получивъ наслѣдство отъ крестной матери, также имѣетъ больше, чѣмъ ей нужно. Такимъ образомъ, менѣе всѣхъ обезпеченнымъ являешься ты. Но сверхъ того, — и это главное,—я смотрю на свой капиталъ не какъ на личный, а какъ на родовой, и знаю твердо, что, если оставлю его тебѣ, онъ пойдетъ исключительно на расширение и улучшение нашего основного родового имущества—Безсоновки. И такое его употребленіе я считаю самымъ разумнымъ и достойнымъ. Вотъ то главное соображеніе, которымъ я руководствовался, дѣлая тебя единственнымъ своимъ наслѣдникомъ. Сообщи о немъ Андрею и Марусѣ, пусть и они это знаютъ“.

Па ликъ замолчалъ и задумался. Онъ соображалъ, все ли передалъ, не забылъ ли еще какихъ-нибудь „нужныхъ“, какъ онъ называлъ ихъ сленно, словъ покойнаго дяди.

Андрей, не спускавшій съ него сочувственно-внимательнаго взгляда, открылъ-было ротъ:

— Я нахожу...

Но Павликъ его перебилъ:

— Погоди, я еще не кончилъ... Долго воевалъ я съ нимъ, убѣждая измѣнить рѣшеніе, но добился очень немногаго. Во-первыхъ, онъ согласился написать завѣщаніе, но и тутъ выкинулъ неожиданную штуку, включивъ въ него пунктъ, по которому и я лишуюсь наслѣдства, если вздумаю подѣлиться имъ съ Николаемъ. Конечно, такая оговорка юридической силы не имѣетъ, да и по существу не нужна, — воля дяди для меня священна... Впрочемъ, — онъ усмѣхнулся, — Николай все-таки часть его денегъ получить, хотя и подъ другимъ соусомъ.

— Какъ такъ?—съ любопытствомъ спросилъ Андрей.

— Когда въ день своего отъѣзда, — продолжалъ Павликъ, смѣясь глазами, — я пріѣхалъ на вокзалъ, смотрю—Николай. Я даже испугался. „Что случилось?“ спрашиваю. „Не провожать же ты меня? пріѣхалъ? Каждую свою минуту цѣнишь на вѣсь золота и вдругъ сколько ихъ даромъ, на пустяки тратишь“. Улыбнулся. „Конечно, нѣтъ, не провожать. А дѣло до тебя есть. Всѣ три дня, что ты здѣсь пробылъ, стремился тебя повидать и вотъ только теперь удосужился, нашелъ полчаса свободныхъ. А дѣло вотъ какое. Если дядя умретъ, у тебя будетъ много свободныхъ денегъ. Не хочешь ли выкупить мою часть Безсоновки?“ Само собой, я съ восторгомъ согласился.

— Молодецъ, — улыбнулся Андрей. — Ловкій ходъ сдѣлалъ. И, кажется, очень своевременно.

Павликъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Не понимаю. Я думалъ, что онъ смотритъ на эту сдѣлку исключительно со стороны денежной выгоды.